

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Евгения
Горская

ПОД ДОБРОЙ
УЛЫБКОЙ
ЗЛА

Татьяна Устинова рекомендует

Евгения Горская
Под доброй улыбкой зла

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Горская Е.

Под доброй улыбкой зла / Е. Горская — «Эксмо»,
2024 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-04-195620-2

Счастливый мир Лизы рухнул, когда выяснилось, что ее маленький сын нездоров. Муж сразу бросил ее с больным ребенком, завел себе новую подругу и жил безбедно, пока у него не начались проблемы с бизнесом... Антону очень нужны деньги, и ему оказалась на руку внезапная смерть Лизы, ведь он единственный наследник. Его сестра Власта дружила с Лизой и сильно сомневается, что та совершила самоубийство или случайно выпила слишком много таблеток. Лизин сосед Денис согласен с Властой, и они сначала порознь, а потом вместе пытаются разобраться в этой запутанной истории... Романы, издающиеся в этой серии, необычные – их рекомендует сама Татьяна Устинова, первая среди лучших в отечественной остросюжетной литературе. Благодаря литературному таланту авторов, книги которых издаются под грифом «Татьяна Устинова рекомендует», серия смогла быстро привлечь внимание большой читательской аудитории.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-195620-2

© Горская Е., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

30 января, понедельник	6
31 января, вторник	7
1 февраля, среда	13
2 февраля, четверг	18
4 февраля, суббота	23
5 февраля, воскресенье	27
6 февраля, понедельник	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгения Горская

Под доброй улыбкой зла

© Горская Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежееотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а напротив, одни приятные: тайны, загадки, погони, перестрелки, любовь опять же. И – главное! – чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская – непревзойденный мастер интриги. Ей удастся придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляет с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В своих романах она водит за нос, отвлекает, пускает нас – читателей – по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь – и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива – здесь в самый раз всего: и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Татьяна Устинова

Продумано все было тщательно, он готовил операцию несколько месяцев. Помешала случайность. Винить в этом было некого, разве что судьбу, и он никого не винил.

Он только понимал, что действовать теперь нужно быстро и решительно и ни в коем случае не выпускать ситуацию из-под контроля.

Он был готов к решительным действиям.

30 января, понедельник

На работе Власта переставала себя жалеть. Такой нагрузки, как в районной поликлинике, конечно, не было, но и свободной минуты не находилось. Работа в престижной клинике, в которую ей год назад удалось устроиться, требовала большого напряжения сил. Больные сюда приходили капризные, но Власта их хорошо понимала. За те деньги, которые стоили ее консультации, пациенты имели полное право на капризы.

Последняя больная, семидесятилетняя дама с массивными браслетами на обеих руках, явилась уже в третий раз. Власта могла себя похвалить, она подобрала даме хороший курс, старушка ходила заметно легче и была довольна и собой, и доктором.

Прощально улынувшись пациентке, Власта посидела, сжав виски. Голова не то чтобы болела, но была тяжелой, мутной, как будто с уходом последней больной Власта мгновенно окунулась в другую реальность. В другой реальности ей не хотелось улыбаться. В другой реальности время не двигалось. Власта предчувствовала, что никогда больше не увидит Мишу, и от этого не хотелось жить.

Жить приходилось. Она тряхнула головой, достала из сумки телефон. Пропущенных вызовов не было. Это плохо, утром звонила Лиза, обрадовала, что вечером заедет, а Власте совсем не хотелось видеть невестку.

Невестку нужно было утешать, а Власте хотелось, чтобы кто-нибудь утешил ее.

Она напрасно надеялась, что невестка перезвонит и откажется от встречи.

Бросив телефон в сумку, Власта переоделась, заперла кабинет, перекинулась парой слов с сидевшей на рецепции администратором Миланой и вышла на заснеженную улицу.

Снег шел с самого утра. Если бы Власта задержалась еще на несколько часов, машину пришлось бы откапывать.

Из-за снега дорога заняла больше времени, чем обычно. Когда она подходила к подъезду, уже смеркалось.

Оттого, что должна приехать Лиза, и поэтому нельзя лечь в горячую ванну, а потом валяться на диване, вытирая слезинки и мечтая, чтобы жизнь стала прежней, плохое настроение превращалось в отвратительное.

Власта понимала, что ведет себя как законченная эгоистка.

Лизе хуже. Лиза потеряла ребенка, а она, Власта, в общем-то ничего не потеряла. Она всего-навсего год не видела мужа.

От машины до подъезда было всего несколько шагов, но мех на капюшоне куртки успел покрыться снегом. Власта зло отряхнула куртку, повесила на вешалку. Переобулась в пушистые тапочки, пройдя в кухню, постояла у окна.

В прошлом году под окном установили фонарь. Он красиво освещал заснеженные ветви растущих под окном деревьев. В прошлом году Власта зимним пейзажем под окном восхищалась. Сейчас пушистые ветви не вызывали ничего, кроме тоски.

Власта задернула занавеску, включила чайник. От скуки выпила чашку чая.

Лиза обещала приехать в шесть, но не появилась ни в семь, ни в девять.

В половине десятого злая Власта ей позвонила. Невестка не ответила. После смерти сына невестка сильно злоупотребляла спиртным, но такого, чтобы заставить Власту несколько часов ее ждать, все-таки не допускала.

Но все когда-нибудь случается в первый раз.

Власта наконец-то отправилась в ванную, легла в горячую, с пеной, воду.

Если сейчас раздастся звонок в дверь, она не будет вылезать из воды. Лизе придется обойтись без ее утешений.

В дверь никто не позвонил.

31 января, вторник

По утрам было хуже всего. Просыпаясь, Антон вспоминал, что скоро с очень большой вероятностью станет нищим, скрипел зубами и мечтал швырнуть что-нибудь в стену.

Подскакивала Варька, чудом угадывающая его настроение, начинала щебетать, звала завтракать. Злость постепенно проходила, сменялась надеждой, что ситуация как-то выправится.

Сейчас было так же. Пока брлся, безнадежность сменилась робкой надеждой.

– Сейчас всем тяжело, – ставя перед ним тарелку с яичницей, вздохнула подруга.

– Ты что, спятила! – оторопел Антон. – Зачем ты это говоришь! Какое мне дело до всех!

– Не сердись!

– Какое мне дело до всех! Мы с тобой можем остаться без денег! Понимаешь, мы с тобой!

Опять захотелось швырнуть что-нибудь в стену. Он с трудом сдержался, чтобы не разбить тарелку.

Фирма жила за счет сотрудничества с иностранными партнерами. Теперь от сотрудничества остались одни воспоминания.

– Антон, перестань! – неожиданно твердо попросила Варя. – Время трудное, но его нужно пережить. Нельзя впадать в отчаяние. Нельзя!

От неожиданности Антон промолчал. Он всегда терялся, когда встречал отпор.

– Будем посылать заявки на все тендеры.

– О господи! – Антон едва не застонал. – Тендеры выигрывают только свои! Кто-то с нами поделится?! Ты всерьез в это веришь?

– Если что-то делать, может получиться, может не получиться. Если ничего не делать, точно не получится.

– Хватит! – не выдержал Антон. – Дай мне поесть спокойно!

Варя виновато тронула его запястье, он отдернул руку.

Подруга была права. Нужно мелькать, совать предложения фирмы везде, где можно.

Впрочем, он и без нее это понимал.

– У тебя телефон, – Варя расслышала звонок первой.

– Не глухой!

Он отодвинул тарелку, неохотно прошел в комнату, выдернул телефон из зарядки.

Звонила мать.

– Алло, – зло проворчал Антон. – Привет!

Обычно мать старалась по утрам ему не надоедать. Сама всю жизнь работала, знала, что по утрам минуты лишней не бывает.

– Лиза умерла, – тихо сказал голос в трубке. – Приезжай!

– Что? – не понял он. Действительно не понял.

– Лиза лежит в постели мертвая. Не забудь паспорт.

Мать отключилась, он сжал телефон в руке.

Подошла Варя, вопросительно на него посмотрела.

– Мама, – объяснил он. – Лиза умерла.

Варя схватилась рукой за щеку.

Хорошо, что он с ней сошелся. Она никогда не задавала лишних вопросов и, в общем-то, очень ему помогала.

Потом ему казалось, что день был бесконечным.

До квартиры бывшей жены он добрался быстро. Формально жена не была бывшей, они не оформили развод, но оба давно не считали себя связанными узами брака. То есть Антон не считал. А что думала Лиза, его не интересовало.

Он настолько привык считать себя холостым, что однажды чуть не ляпнул, что не женат. Об этом его спросил пару лет назад на банкете в Германии один из немецких партнеров. Подвыпивший бюргер показывал фото жены и детей, Антон семейство похвалил.

Ему показать было некого. Жену он таковой не считал, а уroda-сына никому показывать было нельзя.

Мать успела вызвать и «Скорую», и полицию. Или для таких случаев существует единый номер, Антон не стал уточнять. Сел рядом с матерью на диван и односложно отвечал на вопросы.

Впрочем, их было немного. И мать, и он сказали, что никаких беспокойств Лизино здоровье не вызывало и ее смерть является полной неожиданностью.

Мать объяснила, что обнаружила Лизу, приехав к снохе пару часов назад.

Лиза лежала на диване в джинсах и черной водолазке. Мертвое лицо было обращено к спинке дивана, и Антон радовался, что на него можно не смотреть.

Если бы не мать, Лиза могла пролежать так долго. Очень долго.

Антон не собирался ни звонить ей, ни, тем более, с ней встречаться.

Он давно мечтал вычеркнуть ее и из памяти, и из документов. Вычеркнуть из документов возможности не было, а вычеркнуть из памяти он старался.

Иногда это получалось, чаще нет.

То мать, то сестра начинали рассказывать, как идиоту Игорьку понравилась купленная машинка, или что-то еще, такое же бессмысленное и никому не нужное, и ему хотелось заткнуть уши. Он рывкал на сестру и мать, обе замолкали, но потом снова напоминали о самом большом несчастье в его жизни.

Удивительно, до рождения Игорька мать Лизу не любила. Вернее, не то чтобы совсем не любила, но и симпатии не испытывала. Не ссориться со снохой и не настраивать Антона против жены у нее ума хватало, но он отношение матери к Лизе чувствовал. Его это даже слегка забавляло.

А когда вместо ребенка они получили уroda, мать стала для Лизы не то нянькой, не то домработницей, не то подружкой. Сама стала, ее никто об этом не просил.

Лизиного лица видно не было, но Антон поразился, когда двое мрачных мужиков унесли тело.

Больше жены в его жизни не было.

* * *

Телефон Власта достала, сев в машину. Просто так достала, вспомнив, что отключила звук перед тем, как начать прием больных. Звонков она не ждала, в будни Миша звонил по вечерам, немногие подружки – по выходным.

Непринятых вызовов было шесть, и все от мамы. Власта торопливо набрала ее номер.

– Что случилось, мам? – Она только теперь, услышав мамин голос, поняла, как сильно испугалась. – Ты плохо себя чувствуешь?

– Умерла Лиза.

– Что? – оторопела Власта.

– Умерла Лиза. Мы с Антоном сейчас у нее. Приедешь?

– Конечно! Боже мой! Что случилось?.. Что с ней случилось?

– Приезжай! Мы тебя ждем.

В трубке щелкнуло. Власта посидела, тупо глядя на дверь клиники. Равнодушно заметила, что ступени крыльца покрыты снегом. Снег нужно счистить, пациенты могут поскользнуться.

Впереди остановился серый джип, покрутился, освободил выезд с небольшой стоянки.

Власта тронула машину, влилась в поток.

Год назад она радовалась, что сумела устроиться в клинику. Миша собирался в полугодовую командировку, которую давно ждал, звал ее с собой, но уехать на полгода означало потерять работу, и Власта отказалась.

Тогда можно было приехать к мужу в любую минуту. После введения санкций все изменилось. Теперь в Европу ее никто не пустит.

Она еще летом сказала мужу, чтобы не возвращался.

Ничего катастрофического в стране не происходило, но Власта чувствовала, что возвращаться мужу не хочется.

– Что делать, Ластик? – тоскливо спросил Миша летом.

– Не приезжать! – твердо сказала Власта.

Ей тогда очень хотелось заплакать, но слез не было.

Светофор впереди замигал зеленым, Власте удалось проскочить. Ей везло, до дома Лизы она доехала быстро.

Пока Игорек был жив, она часто сюда приезжала. Иногда ей казалось, что ребенок ее узнает и даже радуется, иногда несчастный мальчик тетку совсем не замечал. Власте хотелось его приласкать, но в таких случаях Игорек начинал кричать, плакать, и она старалась к нему не прикасаться.

Все знали, что долго мальчик не проживет, но когда Лиза позвонила из больницы и хрипло сказала, что Игорька больше нет, Власта заплакала.

Она и потом плакала, стоя вместе с Лизой и мамой у маленького гробика. Мама и Лиза не плакали, а Власта давилась слезами, прижимая к лицу бумажный носовой платок.

Антон на похороны не пришел.

Пропуск во двор у Власты был, но она приткнула машину около шлагбаума. Поискала глазами автомобиль брата, не нашла.

Обитая дубом дверь открылась, едва лифт остановился на этаже, как будто Антон ее поджидал, стоя у двери.

– Заходи, – брат повернулся и молча пошел на кухню.

Власта помедлила. Обычно она переобувалась в тапочки. Пока Игорек был жив, Лиза поддерживала в квартире почти стерильную чистоту. Сейчас чистоты не было, на полу виднелись следы грязной обуви. Это неудивительно, сохранить обувь чистой при такой погоде невозможно.

Власта, не переобувшись, прошла вслед за братом.

– Черт... – брат стоял у окна. – Пойдемте в кафе, что ли. Не могу здесь находиться.

– Пойдемте, – согласилась мама, вставая из-за стола.

Кухонный стол был чист. Похоже, мама и брат ждали Власту здесь только потому, что находиться в комнатах было еще неприятнее.

– Что случилось с Лизой? – спросила Власта.

– Вскрытия еще не было, – мама пошла в прихожую.

– Допилась, что же еще! – пробурчал Антон. – Мама нашла ее утром. Мертвую.

Брат ушел из семьи, когда впервые прозвучал страшный диагноз.

Тогда ребенок еще походил на обычного, нормального.

– Новая люстра, – надев шубу, мама тоскливо задержала взгляд на недавно приобретенном Лизой светильнике.

Люстру Лиза повесила несколько дней назад. Один плафон от прежней разбился еще в прошлом году, и Власта долго уговаривала невестку привести прихожую в порядок. Уговорила. Приехав сюда в субботу, Власта с радостью заметила Лизино приобретение.

Это означало, что невестка начала проявлять интерес к жизни и от Власты больше не требуется постоянно за нее волноваться.

– Пойдем, – поторопил Антон.

Мама уже оделась, вышла на лифтовую площадку. Власта торопливо надела куртку.

Антон запер дверь, вызвал лифт.

– Лиза вчера собиралась ко мне приехать, – вздохнула Власта, глядя на аккуратную мамину стрижку.

Мама перестала красить волосы после смерти папы, но и с седыми волосами выглядела молодо.

– Я ей звонила вечером, она не ответила.

Мама и брат промолчали.

Антон повел их к расположенному в соседнем с Лизиним доме ресторану. Тот был неплохой, уютный. Пару месяцев назад Лиза и Власта здесь ужинали. Лиза ухитрилась опьянеть после пары рюмок, и Власта отвела ее домой, стыдясь прохожих.

– Черт... – посетовал брат, усадив маму и сестру за столик у стены. – Жаль, что за рулем. До чего же выпить хочется!

– Закажи мне вина, – удивила Власту мама.

В отличие от Лизы, мама пристрастием к выпивке никогда не отличалась.

Впрочем, давняя, счастливая Лиза этим тоже не отличалась.

Давняя Лиза была смешливой глупенькой блондинкой, смотрела на Антона влюбленными глазами и щебетала над Игорьком, еще не зная, что ребенок никогда не будет нормальным.

Впрочем, она и потом, зная диагноз, щебетала над сыном. Только тогда она уже не была смешливой.

Наверное, следовало говорить об умершей, но ужин прошел в молчании. Потом Власта, простившись с братом, отвезла маму и наконец-то отправилась домой. Приехала вовремя, Миша позвонил, когда она успела переодеться.

* * *

Время еле двигалось. Без четверти восемь Денис не выдержал, открыл бутылку коньяка. Обычно раньше восьми он пить не начинал, но сегодня был особый случай.

Коньяк приятно обжег гортань.

Бабушка перестала бы с ним разговаривать, если бы сейчас его видела. Слабость в семье считалась непрослительной, пьянство недопустимым.

Денис тоже так считал до последнего времени.

Неожиданно захотелось узнать, что происходит в квартире рядом. Звукоизоляция в доме была отличная, соседи практически не слышали друг друга, но сейчас он об этом пожалел. Денис быстро подошел к входной двери, прислушался. В подъезде стояла тишина.

Он вернулся на кухню, с рюмкой в руке подошел к окну.

Шел снег, ложился на ветви деревьев.

Желание позвонить в соседнюю квартиру стало почти нестерпимым. Хотелось сказать пожилой тетке и здоровенному мужику, которых он видел, когда подписывал протокол, что их родственница или кто она там им, не могла умереть от естественных причин. Он вчера утром с ней разговаривал, и она не походила на умирающую. Он врач, он в таких делах разбирается.

Как считает полиция, Денис не понял. Молодой полицейский позвонил в дверь, едва Денис успел побриться. В последнее время он привык поздно вставать. Спешить ему было некуда.

Денис послушно прошел в соседскую квартиру, посмотрел на лежащую на диване Лизу. Потом старался смотреть только себе под ноги и еле дождался, когда можно будет поставить подпись под коряво написанными строчками.

Тетка сидела на стуле, прямо держа спину. Мужик стоял у окна.

Денису было любопытно, кем приходится Лизе мужчина. Ни о брате, ни о муже Лиза никогда не говорила.

Тетку он до этого несколько раз видел. Однажды помог ей вывезти коляску с Игорьком из подъезда – еще при жизни бабушки, он тогда не был инвалидом. Наверное, женщина была няней.

Впрочем, зачем няне приезжать, если ребенка больше нет, непонятно.

О том, что женщина первой обнаружила тело, он узнал из разговора полицейских.

Денис допил коньяк, снова наполнил рюмку.

Полтора месяца назад Лиза сказала, что родных у нее нет. Вернее, она сказала, что одна на всем свете и никому не нужна. Но люди иногда ощущают себя одинокими, не только когда нет родственников, но и когда те есть, только такие, что лучше бы их совсем не было.

К тому же она тогда была пьяна, и к ее словам нельзя относиться с полным доверием.

Денис тогда не стал уточнять. Соседка мало его интересовала.

Сейчас он неожиданно об этом пожалел.

Вчера он увидел Лизу у лифта, когда утром пошел выбрасывать мусор.

– Я тебе звонила вчера, – улыбнулась она Денису. – Хотела, чтобы ты мне кое-что распечатал.

Вчера Денис долго сидел в ресторане, до самого закрытия.

– Сейчас могу распечатать.

– Уже не надо. – Лиза вошла в подошедший лифт. – Заходи в гости, я тебе расскажу кое-что интересное.

Двери лифта закрылись, Денис пошел к мусоропроводу.

Впервые он заговорил с ней пару месяцев назад. Поднимался вечером вместе с ней в лифте и заметил, что она пьяна.

В тот день шел дождь. Он помнил, что куртка на ней была мокрая.

– Где ребенок? – спросил тогда Денис.

– На кладбище. – Она прищурила один глаз.

Выходя из лифта, она пошатнулась, он ухватил ее за руку.

Глаза у нее были такие несчастные, что он неожиданно предложил:

– Приходите ко мне, когда будет совсем тоскливо.

Он не ожидал, что она придет. Она не приходила, и он о ней не вспоминал.

Он по вечерам пил коньяк, а днем бродил по городу, дожидаясь вечера. Говорил себе, что нужно начинать жить и работать, и понимал, что не начнет делать ни того, ни другого.

То, что с ним происходило, жизнью назвать было нельзя.

Прошло несколько дней, и он снова вечером ехал с ней в лифте, и опять заметил, что она пьяна.

Только в этот раз он, взяв ее за локоть, когда лифт остановился, подвел не к ее двери, а к своей.

– Заходи, – пригласил он, отперев квартиру.

Она помялась и вошла. Выпила чаю, рассказала, как в ковид заказывала для бабушки продукты. Ненавязчиво рассказала, просто чтобы не молчать.

Пожалуй, это был первый случай после ранения, когда собеседник, как ни странно, не вызывал у Дениса скуку. То есть собеседница.

Через несколько дней он сам позвонил ей в дверь и пил чай у нее. Потом визиты пару раз в неделю вошли в привычку. Напиваться он ей не позволял, рыдать тоже не давал. Эти визиты ничего не значили ни для него, ни для нее, разве что позволяли убить время.

Сейчас он неожиданно почувствовал, что без Лизы стало совсем пусто.

Денис допил коньяк, поднял бутылку, подержал над рюмкой и решительно убрал на полку. Сполоснул рюмку, сунул в сушилку, снова подошел к окну.

В том, что она умерла от внезапной болезни, он сильно сомневался.

Скорее могла покончить жизнь самоубийством. Напиться какого-нибудь снотворного и заснуть. Судя по ее настроению, она об этом мечтала.

Но в таком случае наверняка оставила бы записку. Вроде бы самоубийцы всегда так делают, особенно женщины.

Записки, насколько он понял, полицейские не нашли.

Опять захотелось коньяку, но он заставил себя не притронуться к бутылке. Сел в кресло в бывшей бабушкиной комнате и принялся просматривать единственное, что его еще интересовало: новости с фронта.

1 февраля, среда

Из полиции Антон вышел совершенно обессиленным. В том, что менты начнут его донимать, он не сомневался. Только идиот мог допустить, что у молодой женщины внезапно отказало сердце или что-нибудь еще. Такое бывает, конечно, но уж очень редко. Либо Лизка сама напилась какой-нибудь дряни, либо ей помогли, это еще вчера было ясно. Антона бесило, что и мать, и сестра вчера никаких предположений не высказывали, как будто хоронить предстояло столетнюю бабу, естественно скончавшуюся от старости, как и положено в ее возрасте.

Пока ждали Власту, он осторожно спросил у матери:

– Как ты думаешь, от чего она умерла?

Мать пожала плечами.

– Вскрытие покажет.

Что показало вскрытие, полицейский сказал утром, позвонив, когда Антон и Варя собирались на работу. Антон сам вызвался приехать в полицию. Мог и не приезжать, помочь следствию он ничем не мог. Он не видел бывшую жену уже года три. Или даже больше.

Он еще вчера не стал этого скрывать, хотя его об этом не спрашивали.

Разговор получился пустой и бестолковый. Впрочем, похоже, задававший вопросы средних лет полицейский больших надежд на беседу с Антоном не возлагал.

Машину удалось приткнуть лишь в квартале от полицейского отделения. Сев за руль, Антон посмотрел на часы. Ехать на работу смысла уже не было. Он достал телефон, хотел позвонить матери, но набрал сестру. Она не ответила.

Вчера Власта упомянула, что эту неделю работает по утру. Они обсуждали похороны, и она попросила назначить их на выходные.

Антону было все равно, матери тоже.

Больше хоронить Лизу было некому.

Надо было сказать Варе, чтобы не ждала его, ехала домой, и самому отправиться туда же и постараться провести спокойный вечер, но он не позвонил подруге. Бросил телефон на соседнее сиденье и поехал к сестре в клинику.

Летом Власта заставила его пройти полное обследование. Антон для виду посопротивлялся и дал себя уговорить. У него всегда получалось заставлять сестру и мать уговаривать его на то, что ему самому хотелось сделать. Конечно, обследоваться раз в год нужно, черт его знает, какие болезни могут незаметно подкрасться.

Успел он вовремя, прием у сестры заканчивался.

– К доктору Золотаревой, – бросил Антон сидящей на ресепшене дуре и, не дав себя остановить, быстро пошел по коридору.

Он просидел у кабинета всего пару минут. Дверь открылась, выпустила седого мужика лет шестидесяти. Удалялся дед, держа спину прямой, будто аршин проглотил.

Антон неприязненно посмотрел ему вслед и открыл дверь кабинета.

Власта, стоя в углу, снимала халат.

– Можно, доктор? – фыркнул Антон и уселся на стоящий около стола стул для пациентов.

Сестра молча села за стол.

Антон терпеливо ждал, когда она заговорит. Пусть сама задает вопросы, а он будет нехотя отвечать. Не признаваться же, что ему внезапно захотелось ее поддержки.

– Пришли результаты вскрытия?

– Пришли, – кивнул он.

– И... что?

– Передозировка снотворного.

– Какое снотворное?

Антон достал из кармана телефон, прочитал название.

– Ты ей это выписывала?

– Нет. – Власта широко открыла глаза. Отвернулась, потерла виски. – Боже мой...

– А ты полагала, она просто так скончалась? От тоски?

– Антон, перестань!

– Дома вроде бы никаких подозрительных таблеток не было. Менты там все перерыли, мусор в ведре просмотрели. Таблетки были растворены в чае.

– Вино в квартире было? – быстро спросила Власта.

– Не было, – он усмехнулся. – Вино у алкоголиков не задерживается.

– Она не была алкоголичкой!

– Тебе видней! Я с ней давно не общался.

Лиза, которую он помнил, не была алкоголичкой. Она была клинической дурой!

Она испортила жизнь всем. Ему, тестю с тещей.

Тесть умер через год после того, как выяснилось, что у него внук урод. Теща пережила его на год, кажется. Антон точно не помнил, тесть и теща его к тому времени не интересовали.

Все могло быть по-другому.

Нужно было только отдать урода в приют и навсегда о нем забыть. Приют можно было выбрать хороший, денег на это у Антона хватало, у тестя тем более.

– Почему ты спросила про вино? Снотворное нельзя мешать со спиртным?

– Да, – Власта вздохнула. – Мама знает?

– Я ей не говорил. Позвони сама, – Антон поднялся. Помедлил. – У тебя есть какие-нибудь... догадки?

Сестра молча покачала головой.

Зря он сюда приехал, то же самое можно было сказать по телефону. Домой пришлось пробираться через пробки.

* * *

Власта вышла из кабинета вслед за братом, заперла дверь. В коридоре Антона уже не было. Как и его машины около клиники.

Надо было жалеть Лизу, а она почему-то жалела Антона. Брат и до вчерашнего дня был издерганным и несчастным, боясь туманного будущего. А теперь еще история с Лизой...

Машин было немного, но поток шел медленно. Грязный мокрый асфальт, серые дома по обе стороны дороги, голые деревья портили и без того не радужное настроение.

Посмотрю какую-нибудь комедию, решила Власта, перестраиваясь в правый ряд. Нельзя поддаваться унынию, можно стать такой, как Лиза.

– Я хочу тебе кое-что показать, – сказала Лиза позавчера утром.

– Я тороплюсь, – недовольно оборвала ее Власта. – Опаздываю на работу.

Звонок невестки был некстати, Лиза ее задерживала.

– Тогда я приеду вечером.

– Приезжай, – с тоской согласилась Власта.

Она уставала от Лизы. Та была ей не нужна.

Лиза никому не была нужна.

Неожиданно Власта почувствовала, что не успокоится, пока не узнает, что хотела показать Лиза.

Нет, даже не так. Она не успокоится, пока не поймет, что заставило Лизу напиться снотворного и уйти навсегда.

До поворота оставалось метров двадцать. Власта торопливо снова перестроилась в левый ряд.

Невестка плохо разбиралась в медицинских препаратах. Иногда Власту раздражало, что Лиза путает названия лекарств и забывает их назначение. Когда Лиза простужалась, приходилось по сорок раз повторять, какие таблетки следует принимать до еды, какие после.

Ничем тяжелее простуды Лиза не болела. Она не могла позволить себе болеть, у нее был Игорец.

У левого поворота пришлось постоять. Власта нетерпеливо сжимала руль, пока машина впереди наконец не сдвинулась с места.

Как Лиза смогла подобрать дозу, чтобы уйти надежно и безболезненно?

Откуда у нее вообще взялось снотворное, которое отпускается строго по рецепту?

Въезжать во двор Власта опять не стала, приткнула машину у тротуара. Хорошо, что у нее есть ключи от Лизиной квартиры. Их она стала носить в сумке после того, как Лиза сутки не отвечала на звонки. Тогда Власта вместе с мамой открыли дверь в квартиру. Пьяная Лиза спала на полу.

Вспоминать это было противно даже сейчас.

Власта вошла в подъезд. Мужчина лет сорока, стоя в открытом лифте, придержал дверь, не дав ей закрыться. Власта поблагодарила.

Как ни странно, мужчина поднимался на Лизин этаж. Насколько Власта помнила, Лизиной соседкой была какая-то старушка. Еще одна квартира давно пустовала.

Мужик с удивлением на нее посмотрел, когда она подошла к Лизиной двери. Сжав в руке ключи, он остановился у соседней квартиры, в которой должна была находиться старушка.

Власта полезла в сумку, достала ключи. Мужчина продолжал молча на нее смотреть.

Власта сунула ключ в замочную скважину.

– Вы знаете, что вчера произошло в этой квартире?

– Знаю, – не повернулась Власта к мужчине.

– Кто вы Елизавете?

Власте не нравилось отвечать на вопросы незнакомых мужиков. Она к этому не привыкла.

– Я вас видел, вы приходили к Лизе.

Негромкий голос прозвучал прямо над ухом. Мужик умел двигаться бесшумно, она не заметила, как он успел оказаться рядом.

Власта отперла дверь.

Слава богу, он не попытался войти вслед за ней.

– Она жена моего брата, – вздохнула Власта. – А вы кто?

– Сосед. Я здесь живу уже несколько месяцев. Меня зовут Денис.

– Власта, – зачем-то представилась Власта.

– Результаты вскрытия уже известны?

– Известны, – держась за дверь, дoloжила Власта и зачем-то назвала препарат, который отнял у Лизы жизнь.

Мужчина задумчиво кивнул.

– Знаете такое лекарство?

– Знаю, – подтвердил он.

– Откуда? – зло уточнила Власта. – Вам его выписывали?

– Нет.

Надо было захлопнуть дверь, но она почему-то медлила.

– Я был немного знаком с Лизой. Она не походила на желающую умереть.

Станный у него был взгляд. Он как будто пытался разглядеть что-то внутри Власты.

– Лиза могла превысить дозу по ошибке.

– Вы в это верите?

– Не очень, – честно признала Власта.

– Вот и я не верю. Запишите мой телефон, – неожиданно предложил он.

– Зачем?

– На всякий случай.

– Если мне захочется с вами поговорить, я позвоню вам в квартиру, – зло усмехнулась Власта. – Не возражаете?

– Как угодно. До свидания.

Она сейчас походила на Антона. Брат тоже иногда начинал упираться на пустом месте. Телефон соседа не помешает, если она хочет понять, что произошло с Лизой.

Сосед повернулся и шагнул в сторону. Поворачивался он странно, неестественно, всем телом.

Власта захлопнула дверь. Опять помялась у двери, решая, не переобуться ли в тапочки, и опять, не переобуваясь, пошла по коридору, оставляя мокрые следы.

В квартире был беспорядок, сдвинутые книги на полках, неровная стопка рисунков в детской. Это было объяснимо, вчера здесь работала полиция.

На полу разбросаны цветные кубики. Игорек мог раскладывать кубики часами, расставляя их одному ему понятным образом. Если кто-то случайно сдвигал кубик, мальчик начинал кричать, биться, его с трудом удавалось успокоить.

Он жил в своем мире. Власта пыталась проникнуть в этот мир, но ей не удалось.

Это даже Лизе не удалось.

Захотелось аккуратнее уложить стопку рисунков, но Власта не вошла в детскую.

Что Лиза хотела показать?..

Она знала, по утрам Власта торопится. Почему не позвонила вечером? Показать надо было что-то очень важное?

Ничего важного у нее не могло быть. Она никуда не ходила, кроме кладбища и винного магазина. Власта уговаривала ее начать работать, но Лиза тонула в своем горе и не хотела выплывать.

Постояв около двери в детскую, Власта заглянула в другую комнату. Когда-то та была чем-то вроде кабинета Антона. Кабинет брату был не нужен, он не работал дома. Он скрывался здесь от жены и ребенка, когда тот появился. Тогда еще никто не знал, что у ребенка возникнут особенности развития.

Зачем Антон женился, было понятно: Лизин папа обеспечил ему отличные связи.

Антон делал вид, что влюблен в Лизу, но обмануть мог кого угодно, кроме Власты и мамы.

Зачем Лиза, на свою беду, за него выскочила, Власта не понимала. Она даже пыталась намекать подруге, чтобы та поаккуратнее относилась к своему новому поклоннику.

– У него каждый месяц новая баба, – честно говорила молоденькая Власта.

Молоденькая Лиза не хотела ничего слушать.

Власта быстро прошла в другую комнату. Стараясь не смотреть на диван, на котором вчера лежала Лиза, открыла нижнюю тумбочку книжной стенки. Книг там было немного, в основном полки занимали глиняные статуэтки. Их Лиза делала еще до рождения Игорька.

В субботу утром Лиза положила в тумбочку пачку наличных.

Власта приехала к ней утром, собираясь вытащить невестку на выставку картин из частных коллекций. Лиза же собиралась на кладбище к Игорьку и ехать на выставку отказалась.

Лиза ездила на кладбище постоянно, каждую неделю. Иногда Власта сопровождала ее, а чаще безуспешно пыталась от частых поездок Лизу отговорить.

Лиза спешила, понятливая Власта пробыла у невестки не больше нескольких минут, но лежавшую на столе пачку денег заметила.

– Зачем тебе столько наличных? – удивилась тогда Власта.

Лиза виновато улыбнулась, пожала плечами и сунула пачку в тумбочку.

Пачка была увесистая.

Сейчас ее в тумбочке не было.

Власта быстро вернулась в прихожую, достала из сумки телефон, набрала маму.

– Мам, ты еще не разговаривала с Антоном? Знаешь про результаты вскрытия?

– Знаю. Только что ему звонила. – Мамин голос звучал устало.

Впрочем, было бы странно, если бы он звучал бодро и радостно. Лиза не была им совсем чужой.

– Полиция нашла у Лизы наличные?

– Какие-то нашла. В кошельке. Несколько тысяч. Почему ты спрашиваешь?

– Так...

Власта торопливо попрощалась, надела куртку, вышла из квартиры, заперла дверь.

Помедлила, посмотрев на соседскую дверь, вызвала лифт.

В лифте она спускалась вместе с двумя девушками, весело разглядывавшими что-то в телефоне одной из них. Девушки были ненамного моложе ее, но Власта отчего-то почувствовала себя рядом с ними почти старухой.

2 февраля, четверг

Утро выдалось таким серым и беспросветным, что впору застрелиться. Застрелиться Денис не мог, потому что у него не было пистолета. Впрочем, беспросветной жизнь казалась ему при любой погоде. Он заставлял себя бриться, обещал, что немедленно начнет искать работу, выпивал чаю и уходил из квартиры, даже если шел дождь.

«Поболтаюсь сегодня, и все, – пообещал он себе, запирая квартиру. – Завтра начну искать работу».

В подошедшем лифте стояла соседка. Денис поздоровался, она поздоровалась в ответ. Эта соседка была из новых, по прежней жизни он ее не помнил. Соседке было лет тридцать – тридцать пять. Не красавица, не дурнушка. Запоминающимися у соседки были только глаза, очень темные, почти черные. По-хорошему, стоило начать за ней ухаживать, жениться и вступить наконец в мирную жизнь.

Мысль о женитьбе на соседке энтузиазма не вызвала.

На первом этаже Денис пропустил даму вперед, покосился на закуток консьержа.

– Денис! – позвал тот.

– Здравствуйте, – подошел к нему Денис.

Консьержу было под семьдесят. Он сидел здесь с незапамятных времен, бабушка, проходя мимо, любила поболтать со стариком.

Недавно кто-то из соседей предложил уволить консьержа, поскольку никакой пользы от него нет. В подъезде висела камера видеонаблюдения, дежурил консьерж обычно по вечерам, днем появлялся редко, и соседи имели право задаться вполне справедливым вопросом, зачем им нужно платить непонятно за что. Как ни странно, предложение поддержано не было. Большинство соседей отказываться от старика не пожелали, и Денис тоже. К консьержу привыкли. К тому же деньги, которые собирали для консьержа, были вполне посильны даже для пенсионеров.

– Лизавета из восьмидесят седьмой умерла, слышал?

– Слышал, – кивнул Денис. – И видел. Понятым был.

– Неужели руки на себя наложила?

– Бог его знает, – Денис пожал плечами. – Записку вроде не нашли.

Отчего-то накатила внезапная глухая злость. Не то на старого безобидного консьержа, не то на себя, не то на подлую жизнь.

– Несчастливая женщина.

Денис промолчал.

– Я вот тебя что спросить хотел. В восьмидесят пятой поселился кто-то? Я вчера вечером в окне свет видел. Шел сюда, смотрю, свет в окне горит. Несколько раз выходил, смотрел, но больше света не заметил. Ты никого там не видел?

– Никого. Показалось вам, наверное, Александр Николаич.

– Может, и показалось, – с сомнением кивнул старик, ясно давая понять, что признать ошибку не готов.

Денис обернулся на стук открывшейся двери.

В подъезд вбежала девушка с маленькой собачкой на руках. Девушка улыбалась. Денис ей позавидовал, он не помнил, когда улыбался в последний раз.

Вновь бродить по исхоженным улицам было тошно. Денис постоял у подъезда, решил спуститься в метро, доехать до одной из новых, не так давно появившихся станций, но внезапно вернулся в подъезд и поднялся в квартиру.

Когда-то в восьмидесят пятой квартире жила семья: муж, жена и дочка. Дочка была лет на пятнадцать старше Дениса и в детстве казалась ему очень красивой. Потом она вышла замуж,

начала жить отдельно. Потом умер муж, и осталась одна соседка. Бабушка с ней приятельствовала.

Лет пять назад соседка вместе с дочерью и ее мужем уехала куда-то на ПМЖ. В Израиль, кажется. Наверное, семья оставляла возможность вернуться, поскольку квартиру продавать не стали.

Денис бросил куртку на стул, скинул ботинки и в носках прошел в комнату. Достал из книжного шкафа деревянную бабушкину шкатулку. Той было лет сто, не меньше, крышка ссохлась, дала трещину.

В шкатулке лежало несколько бабушкиных колец и ключи. Их было несколько, к каждому аккуратная бабушка привязывала бумажку с надписью. Денис хорошо помнил, как бабушка показывала ему связку ключей от соседской квартиры. Те были с каким-то забавным брелоком. На прикрепленной к брелоку бумажке было написано «85».

Бабушка на соседку сердилась, отвечать за сохранность чужой квартиры ей не нравилось, но отказать старой приятельнице она не смогла.

Ключей от чужой квартиры в шкатулке не оказалось.

* * *

Ни одного пропущенного вызова за все время приема не было. Обычное дело, но Власта почему-то с недоумением посмотрела на телефон.

Сначала с недоумением, потом с грустью. Лизы не стало, а жизнь совсем не изменилась.

В машине было холодно, она включила печку.

Уборщица Зарина вышла на крыльцо клиники, смахнула со ступеней снег.

Власта отвернулась от Зарины, положила руки на руль. Снова достала телефон и набрала брата.

«Алло» Антона прозвучало недовольно.

– Дай мне телефон полиции, – попросила Власта.

– Тебе есть что им сообщить? – зло и ехидно поинтересовался брат.

– Сбрось телефон! – упрямо потребовала Власта.

Она редко злилась на брата. Она привыкла принимать его таким, каков он есть. Не осудила, даже когда Антон бросил больного ребенка.

– Сейчас сброшу, – равнодушно пообещал Антон и отключился, не дав Власте спросить, не общался ли он с полицейскими снова.

Эсэмэска пришла через несколько секунд. Власта подержала палец на высветившихся на экране цифрах, нажала на номер и быстро заговорила, услышав мужской голос.

– Власта Всеволодовна Золотарева. Я родственница Елизаветы Осокиной. Можно с вами поговорить?

– Можно, – сказал мужчина. – Нужно.

Полицейский пообещал дождаться Власту, но она все равно боялась, что не успеет, как будто увидеть полицейского было необходимо именно сейчас, а завтра или через несколько дней будет поздно.

Погода к торопливости не располагала. Оставив машину неподалеку от отделения полиции, она едва не упала, поскользнувшись на асфальте.

Спешила она напрасно, разговор ясности не добавил. И она не могла сообщить полицейскому ничего стоящего, и он ей. Впрочем, он едва ли собирался делиться с ней результатами следствия.

Полицейский Власте понравился. Лет сорока пяти, с умными и понимающими глазами.

Разговор ничего не дал, но из отделения она вышла с чувством выполненного долга.

Что еще можно сделать, Власта не представляла.

Сделать нельзя было ничего, но она опять поехала в квартиру Лизы. Нужно выбросить продукты и проверить, везде ли выключено электричество, объяснила себе Власта.

Не заставляй же маму снова приходить в квартиру, где обнаружен труп.

Антон делать этого не станет. Даже отговорок искать не будет, скажет, чтобы сама поехала и не дергала его по пустякам.

К подъезду Власта подошла вместе с Лизиной соседкой. Ее Власта немного знала, она была чуть старше их с Лизой и иногда останавливалась около коляски Игорька, когда Лиза и Власта гуляли с малышом.

К детской площадке Лиза сына не подвозила. Дети Игорька не обижали, их родители старательно делали вид, что с малышом все в порядке, но во всем этом была такая фальшь, что от детской площадки Лиза старалась держаться подальше. Обычно она садилась на стоявшую в конце двора лавочку.

Спящего Игорька от обычных детей отличало только наличие коляски. Четырехлетние дети в колясках не нуждаются.

Когда ребенок открывал глаза, разница становилась очевидной.

Соседка, проходя мимо, улыбалась Игорьку, пыталась с ним заговорить. Перекидывалась парой слов с Лизой.

– Простите, вы из восьмидесят седьмой? – тихо спросила женщина, входя в подъезд вслед за Властой.

– Да, – обернулась Власта.

– Меня зовут Дарья.

Дарья! Как же Власта сразу не вспомнила, Лиза иногда называла женщину по имени.

– Власта.

– Примите мои соболезнования.

– Спасибо.

Женщина вызвала лифт.

– Я была потрясена, когда узнала...

– Я тоже, – грустно усмехнулась Власта.

Женщине явно хотелось узнать, что случилось с Лизой. Власта ее понимала, любопытство в данном случае вполне естественно.

Женщина оказалась умна, ненужных вопросов не задала.

Подошел лифт, обе вошли внутрь. Власта отвернулась от зеркала, в котором отразилось ее бледное лицо.

– Когда похороны?

– В субботу.

– Где? Я хочу прийти. – Женщина сбросила с головы капюшон пуховика. Темно-русые волосы на затылке были стянуты в пучок.

Власта с удивлением посмотрела на соседку. Она была уверена, что Лиза практически не общается ни с кем, кроме нее и мамы.

– И еще... Я бы хотела дать денег, – еще больше удивила соседка.

– Спасибо, – быстро покачала головой Власта. – У нас все в порядке с деньгами. Купите цветы.

Лифт остановился, Власта придержала дверь ногой.

– Позвоните мне завтра, я скажу, во сколько нужно приехать к моргу.

Власта продиктовала номер, соседка набрала в телефоне цифры.

Что-то удивило, когда она включила в прихожей свет.

Что-то казалось неправильным...

Она заглянула в детскую, потом в комнату Лизы. Обернулась, осмотрела прихожую.

Подошла к двери в кухню. Та была приоткрыта.

Ей казалось, что вчера дверь она закрыла плотно, как всегда при Лизе.

Кухня всегда закрывалась от ребенка. Игорек мог включить газ, достать нож, пораниться.

Когда Игорька не стало, в квартире все продолжало оставаться по-прежнему.

Она нервничает из-за смерти невестки, в таком состоянии можно придумать бог знает что.

Власта вернулась в прихожую, бросила на стул куртку, нашла в стенном шкафу мусорный мешок, принялась складывать в него продукты из холодильника. Их было немного, Лиза очень мало ела в последнее время и совсем ничего не готовила. Поэтому Власта старалась водить ее в кафе.

Надо было просмотреть Лизины документы, фотографии, но Власта, завязав мешок, быстро прошла по квартире, вышла и с облегчением заперла дверь.

* * *

Отсутствие ключей от пустующей квартиры не то чтобы сильно озадачило, но некоторое любопытство вызвало.

Любопытство подогревалось тем, что пару раз Денису казалось, что в квартиру кто-то наведывается. Однажды ночью он услышал, как где-то близко хлопнула дверь. Был не то конец сентября, не то октябрь. Уже топили, в квартире было тепло, даже жарко. Шел дождь, сильный, с ветром. Денис покурил на балконе, зашел на кухню закрыть окно, а когда возвращался в комнату, услышал стук.

Он тогда решил, что Лиза вышла из квартиры, и выглянул на площадку. Та была пуста.

– Ты где ночью гуляла? – спросил он на следующий день.

– Нигде, – удивилась Лиза.

Ее дверь стучит иначе, отметил тогда Денис и тут же о происшествии забыл.

Спустя несколько дней он опять услышал стук захлопнувшейся двери, а перед этим шум лифта и тихие голоса. Он тогда пришел домой позже обычного и раздевался около двери, поэтому и услышал. Звукоизоляция в доме была хорошая, соседи друг другу не мешали. Судя по стуку, дверь хлопнула не Лизина, и выглядывать на площадку он не стал.

Находиться днем дома было непривычно. Денис подошел к книжным шкафам, равнодушно оглядел полки. Один шкаф был занят трудами по военной истории, эти книги собирал еще дед, потом отец.

Читать о войне не хотелось.

Он открыл другой шкаф, взял какой-то дамский детектив, до которых бабушка была большая охотница, уселся с книжкой в кресло и неожиданно увлекся.

Дочитал детектив, когда было уже совсем темно. Окна стоящего напротив дома давно светились редкими желтыми пятнами. Он немного посмотрел на окна, почувствовал, что проголодался.

Захотелось хорошей вкусной еды.

Денис сунул прочитанную книжку в шкаф, надел куртку. Выключать в прихожей свет не стал, вышел на площадку и увидел вчерашнюю Лизину родственницу.

Та спускалась от мусоропровода.

– Здравствуйте. – Денис вызвал лифт.

– Здравствуйте. – Она подошла, встала рядом.

Денис пропустил ее в подошедший лифт.

– От полиции ничего нового? – зачем-то спросил он.

Не надо было спрашивать, она не расположена с ним разговаривать.

Она покачала головой – нет. Помялась и неожиданно сказала:

– Похороны в субботу.

У нее были грустные темно-серые глаза. По-настоящему серые, такие редко встречаются. Денис промолчал. Он не собирался идти на похороны.

Ради Лизы сходил бы, но Лизе было уже все равно.

– Лиза вам ничего не рассказывала про восемьдесят пятую квартиру?

Зачем он это спрашивает? Черт его, что ли, за язык дергает?

– Про пустую? – Серые глаза посмотрели на него с удивлением. – Нет. А что не так с квартирой?

– Да так... Ерунда, – отмахнулся он.

Она поправила висящую на плече сумку. Пальцы у нее были тонкие, длинные. На безымянном обручальное кольцо.

Лифт остановился, она быстро пошла к подъездной двери. Денис хотел открыть ей дверь, но не успел. Двигаться так же легко, как до ранения, у него не получалось.

Уличные фонари отражались на мокром асфальте. Температура минусовая, асфальт мокрый из-за дряни, которой дворники его посыпали.

Денис дошел до соседнего дома, в котором находился ресторан, поужинал в полупустом зале. Как ни странно, аппетит пропал, и мясо он доел через силу.

Вернувшись домой, в грязной обуви прошел на кухню, налил коньяк в рюмку, отпил и только после этого начал раздеваться.

Стук чужой двери он слышал только потому, что находился в прихожей. Дверь хлопнула негромко.

И опять ему помешала невозможность двигаться легко и быстро. Когда выскочил на площадку, никого не увидел. Только откуда-то снизу доносился шум шагов. Да и в этом Денис не был уверен, могло и показаться.

Он постоял, прислушиваясь. В подъезде было тихо.

4 февраля, суббота

Варя проснулась, когда было еще совсем темно.

Она еще с вечера решила, что навестит родителей. Ехать к ним не хотелось, родители были, мягко говоря, не очень довольны, что она живет с мужчиной, которого с ними даже не познакомила. Но и не поехать было нельзя, она уже больше месяца у них не была.

Варя отлично знала, как все пройдет. Сначала разговор будет похож на прежний, на тот, которые велись, когда Варя жила одна в съемной квартире. Мама похвалит новую Варину шубку, похвастается каким-нибудь необычным, специально для Вари приготовленным блюдом. В отличие от дочери, мама готовить любила.

А потом произойдет неизбежное. Мама начнет спрашивать про Антона, дочь станет неохотно односложно отвечать, папа будет сердито смотреть в сторону, и Варя быстренько улизнет, не дожидаясь, когда мама в сотый раз дрожащим голосом примется объяснять, что ничего путного из ее связи с Антоном не выйдет, и Варя только напрасно потеряет лучшие годы. Иногда вовремя улизнуть удавалось, иногда нет.

Однажды она предложила Антону познакомиться с родителями. Он посмотрел на нее с недоумением и вопрос проигнорировал. Больше она не приставала.

Ей не в чем было его винить, он ничего ей не обещал. Она сама согласилась сначала поехать к нему после работы, а потом перебраться насовсем.

Нет, даже не так. Не насовсем, до того момента, пока она ему не надоест.

Варя осторожно протянула руку, посмотрела на часы – почти семь. Еще как минимум час можно было полежать, но она тихо встала, сварила кофе. Она любила это утреннее время, когда Антон спит, и можно спокойно посидеть в одиночестве на уютной кухне.

Стрелка на кухонных часах подошла к половине восьмого. Часы-тарелку Варя приобрела в прошлом году. Перед двадцать третьим февраля зашла в супермаркет купить Антону туалетную воду и заметила у соседней витрины круг с двигающимися стрелками. На сером фоне угадывались цветы, листья. Обычно она лишних покупок не делала, не потому что жалела денег, потому что в последнее время нечасто встречались вещи, которые хотелось приобрести. Часы ей понравились, и она их купила.

Антон приобретение не то чтобы одобрил, но и не обругал.

Варя допила кофе, сполоснула чашку, отправилась в ванную. Критически оглядела себя в зеркале. Раньше, когда жила с родителями, а потом одна, без утренней гимнастики она не обходилась. Заниматься гимнастикой при Антоне не получалось. Не потому, что Антон мешал, а так... непонятно почему.

Впрочем, у нее и без гимнастики была неплохая фигура. Ни избыточного веса, ни лишней худобы.

Варя аккуратно подвела глаза. Лицо у нее тоже неплохое, тем более с подведенными глазами. Мужчины ей вслед, конечно, не оборачивались, но это и не требовалось.

Антон проснулся, когда она выходила из ванной.

– Завтракать будешь? – улыбнулась ему Варя.

– Буду, конечно, – Антон поморщился. – Неизвестно, сколько это все продлится, когда за стол сядем...

Он был прав, похороны – мероприятие не из легких.

Варя быстро пожарила яичницу с беконом, как он любит. Заварила чай.

– Я, наверное, к родителям съезжу.

– Подожди! – нахмурился Антон. – Ты что, не хочешь поехать со мной?

– Но... – растерялась Варя.

Конечно, она не собиралась хоронить его бывшую жену.

Она чувствовала себя виноватой перед ней.

С первой минуты чувствовала, с того момента, когда Антон, просматривая документы, которые она ему приготовила, отодвинул их в сторону и, оценивая на нее посмотрев, решил:

– На сегодня хватит, завтра закончим. Выключи везде свет, пойдем ужинать.

Они задержались в тот день. В офисе уже никого, кроме них, не было.

Варя понимала, что происходит. И знала, что может отказаться, Антон за это ее не уволил бы. Она уже неплохо его знала к тому времени.

Варя послушно кивнула, чувствуя, как бешено забилося сердце, мимоходом вспомнила, что он женат, и больше об этом не думала. То есть старалась не думать.

– Ты что, не хочешь меня поддержать?

– Хочу, – постаралась объяснить Варя. – Просто я думала, что это как-то... неловко. Понимаешь... Она твоя жена. Мне хотелось дать тебе возможность с ней проститься.

– Она давно не моя жена! Ты лучше всех это знаешь!

– Не сердись, – попросила Варя.

– Когда все хорошо, ты рядом, а когда неприятности, тебя нет!

Он был не прав. У них давно все было не слишком хорошо, но Варя прикладывала гораздо больше сил к тому, чтобы выправить ситуацию, чем Антон.

Еще она уговаривала его не отчаиваться, и на то, чтобы внушить то же самое себе, сил почти не оставалось.

– Это очень удобно, держаться подальше от неприятностей!

Варя знала, что в таких случаях лучше не спорить, и молча пошла одеваться.

* * *

Ехать на похороны не хотелось до смерти. Он бы не поехал, сбросил неприятную процедуру на сестру и мать, если бы не мечтал поскорее получить доступ к деньгам покойного тестя. Не похоронить жену и тут же завладеть ее движимым и недвижимым имуществом было бы уж как-то нарочито непорядочно, а выглядеть откровенно непорядочным Антон не хотел даже перед сестрой и матерью.

Приходилось терпеть унылую процедуру.

На лежащую в гробу Лизу он старался не смотреть. Варька жалась за его спиной, сестра и мать смахивали слезы.

Для него Лиза умерла давно. С той минуты, когда выбрала уroda.

Антон тогда так и потребовал:

– Решай, или я, или он!

Она выбрала уroda молча. Ничего Антону не ответила, ушла в детскую.

Он специально долго и шумно собирал вещи: компьютер, какую-то одежду. Нянька, которая Лизе тогда помогала, уже ушла, он помнил абсолютную тишину в квартире, когда вместе с чемоданом стоял в прихожей.

Был уверен, что жена выбежит, остановит.

Лиза не выбежала. Он переночевал у матери, рывкнув, чтобы вопросов не задавала, на следующий день устроился в отеле, еще через пару дней снял квартиру.

А еще через пару месяцев поселил у себя Варьку. Девчонка давно с него глаз не сводила, но все равно удивило, что так легко и сразу поехала к нему в квартиру.

Вообще-то он привык к тому, что женщины легко идут на контакт. Цену себе Антон знал, та была высокой. У него и с внешними данными все в порядке, и с образованием, и с карьерой. Но новая помощница Варвара, которая к тому времени проработала с ним несколько месяцев, от легко идущих на контакт женщин отличалась. От нее он такой сговорчивости не ожидал.

Помимо него, Власты и мамы хоронить Лизу пришла еще одна женщина, невысокая брюнетка примерно его лет.

– Лизина соседка, – шепнула ему Власта, хотя он не спрашивал.

Соседка так соседка, Антону было все равно.

Его только неприятно удивило, что соседка отправилась и на поминки. Лучше было бы посидеть в кафе без посторонней бабы.

– Лиза была очень добрая, – тихо говорила соседка.

– И очень несчастная, – вставила Власта.

– С горем надо справляться, а не умирать, – осуждающе заметила мама.

На сестре и матери были черные водолазки, на соседке темно-серая. Варя надела приличествующую случаю темную блузку, а Антон оделся, как обычно в выходные, в джинсы и свитер. Впрочем, у него тоже был вполне соответствующий мероприятию вид, ярких свитеров он никогда не носил.

– Справиться не у всех получается, – вздохнула сестра. – Лиза чувствовала себя очень одинокой.

– Я тоже чувствую себя одинокой без папы!

– У тебя есть мы с Антоном!

– Лиза собиралась написать завещание, – соседка провела пальцем по ножке рюмки. – У нее тоже был кто-то, о ком она хотела позаботиться. Но от одиночества это не спасало.

Антон замер, подцепив вилкой маринованный гриб, но справился с собой, ничего не спросил.

Жаль, что и сестра не спросила. Если Лиза написала завещание, о деньгах тестя придется забыть.

Антону захотелось застонать.

Деньги тестя были его последней надеждой.

Антон простить себе не мог, что брал пример с тестя. Тот, в отличие от большинства тех, кому было что держать в банках, зарубежных счетов не открывал. То есть открывал, конечно, но только для текущих операций. Основные деньги хранил в России.

И Антон все деньги хранил в России. На зарубежных счетах у него копейки, на них долго не проживешь.

Выяснить, существует ли завещание, захотелось немедленно.

– Мам, выйди на минутку, – шепнул он сидевшей рядом матери.

Мама послушно поднялась, вместе с ним отошла от стола.

– У тебя ключи от Лизиной квартиры с собой? – нетерпеливо спросил Антон.

Мать грустно на него посмотрела. Антон был уверен, она понимает, зачем ему понадобились ключи. Мать отличалась проницательностью, замечания по поводу завещания не пропустила. Ну и наплевать. Ничего противозаконного он не делает.

Мама вздохнула, кивнула, вернувшись к столу, порылась в сумочке и незаметно сунула ему связку.

– Мы пойдем, – объявил Антон.

Варя, посмотрев на него с удивлением, послушно вскочила. Сестра промолчала, соседка кивнула – попрощалась.

Такси он вызвал, выйдя из кафе. Сначала хотел отправить Варю домой, потом передумал. Квартира навевала слишком неприятные воспоминания, входить туда одному не хотелось.

Варя не задала ни одного вопроса, ни когда стало ясно, что едут они не домой, ни когда подъехали к его бывшему жилищу. Он поступил правильно, выбрав ее. Сначала колебался, хотел остановиться на бухгалтерше. Та была томная, плавная, заразительно смеялась и забавно млела, когда сталкивалась с ним в коридоре. С бухгалтершей он бы через месяц повесился от скуки.

– Ну что ты застыла! – одернул Варю Антон, отперев квартиру. – Проходи.

Теперь она топталась в коридоре, но он больше не обращал на нее внимания.

Документы лежали там же, где они хранились еще при нем, в нижней тумбе одного из книжных шкафов. Бумаги были аккуратно разложены по пластиковым папкам. Документов было много, от свидетельств о рождении тестя и тещи до свидетельств о регистрации недвижимости.

Написанного Лизой завещания не было.

Успокаиваться не стоило, завещание могло всплыть в самый неподходящий момент.

От жалости к себе хотелось заплакать, как в детстве.

Нельзя так нервничать, одернул себя Антон. Можно раздерегаться до инфаркта.

Убирать папки в шкаф Антон не стал, оставил на столе.

– Как ты думаешь, она сама это сделала? – тихо спросила Варя, глядя, как он надевает куртку.

– Откуда я знаю! – взвился Антон. – Отстань! Без тебя тошно!

Она послушно замолчала.

В такси он ее обнял, прижал к плечу. Почувствовал, как она благодарно сама к нему притискивается. И опять подумал, что сделал правильный выбор, предпочтя ее бухгалтерше.

5 февраля, воскресенье

Власта любила просыпаться от Мишиного звонка. Жаль, что это удавалось редко. Обычно в выходные она вставала так же рано, как в будни, и начинала мучиться, не зная, чем занять свободное время.

Сегодня звонок ее разбудил. Власта, улыбаясь, ответила мужу.

– Как вчера все прошло?

Любимый голос грел, успокаивал.

– Нормально. – Она подтянула подушку повыше. – То есть ненормально, конечно. В похоронах нормального мало. Так... Посидели, помянули. Я, мама, Антон с Варей и Лизина соседка. Антон долго не высидел, ты же его знаешь. Он ушел, мы еще с полчаса поговорили и разошлись.

– Жалко Лизу. Хорошая девка была.

– Жалко. Миш, как ты думаешь?.. Ты же ее тоже знал, могла она сама это сделать? Или кто-то ей помог? Скажи, Миша, просто твои ощущения?

– Могла! Я не удивился, когда ты мне об этом сказала. – Миша помолчал. – У нее в жизни ничего не было, кроме Игорька.

Игорек Мишу любил. Насколько он вообще мог кого-то любить. Миша поднимал его на вытянутых руках, мальчик смеялся. Никому другому он себя поднимать не давал.

Это должен был делать Антон. Лиза напрасно не слушала, когда Власта объясняла, что муж из Антона будет так себе.

– А у меня ничего нет, кроме тебя, – вырвалось у Власты.

– А у меня кроме тебя. Ты меня дождись, Ластик.

В трубке раздались тихие гудки, телефон сообщал о новом входящем вызове.

Отвлекаться на новый вызов Власта не стала. Еще поговорила с мужем ни о чем, попрощалась и только после этого посмотрела, кому еще могла понадобиться. Понадобилась она маме.

Перезвонить Власта не успела, телефон ожил сам.

– Ты собираешься еще съездить к Лизе? – спросила мама.

– Да нет. Зачем?

Мама замялась.

– Ты отдала свои ключи Антону? – догадалась Власта.

Она заметила, что мама вчера сунула брату связку ключей. Ключи могли быть только от Лизиной квартиры, не к маме же Антон собрался ехать, не дождавшись конца поминок. Насколько Власта знала, никаких других ключей у мамы не было. А Власта знала о маме все.

– Да.

– Ну... хочешь, я тебе свои привезу? Или вместе съездим? – покладисто предложила Власта. – Что ты хочешь там посмотреть?

– Розовый блокнот. У Лизы был розовый ежедневник. Она все туда записывала. – Мама тяжело вздохнула. – Я, пока полицию ждала, поискала блокнот, но не нашла. Привези мне его, Власта. Или у тебя на сегодня какие-то планы?

– Привезу. Зачем тебе блокнот?

– Лиза туда все записывала, – повторила мама. – Что нужно купить, какие счета оплатить. Я хочу все это посмотреть.

– Мама... Она сама?..

– О господи! Ну откуда же я знаю! В своей душе разобраться трудно, а уж в чужой...

– Привезу, – пообещала Власта.

Завтракать не хотелось, и она не стала. Выпила кофе и вышла на серую улицу.

Солнца не было уже несколько недель. Раньше Власта сумрачные дни не любила, теперь ей было все равно. Так даже лучше, солнцу хорошо радоваться в другом настроении.

Машин в городе было мало, до Лизино дома она доехала быстро. И людей на улицах было мало. Лизин двор оказался совсем пуст, ни детей на детской площадке, ни собачников у покрытых снегом газонов.

Власта быстро вошла в подъезд, поднялась на Лизин этаж. Мокрые ботинки оставляли грязные следы, хотя она тщательно вытерла ноги о лежавший у подъездной двери коврик.

В квартире снимать ботинки смысла не было, приходящая вся была в грязных засохших следах. Их прибавилось, это означало, что, взяв у мамы ключи, Антон вчера здесь побывал.

Об этом говорило и то, что на Лизинем столе лежали папки с бумагами, которых раньше не было.

Что именно интересовало брата, Власта догадывалась.

Она еще раз вытерла ботинки о придверный коврик и подошла к книжному шкафу в Лизиной комнате. Розового блокнота в шкафу не нашлось. Не было его в других книжных шкафах, она внимательно перебирала пальцем корешки книг.

Захотелось чаю, она заглянула в кухонный шкаф, увидела коробку с пакетиками, включила чайник. Вернулась в прихожую, достала из сумки телефон, набрала брата.

– Антон, ты брал Лизин блокнот? – быстро спросила, когда брат ответил.

– Какой блокнот?

– Розовый.

– Какой розовый блокнот?! Ты бредишь, что ли?

Чайник щелкнул, Власта на него посмотрела и заваривать чай передумала.

– Ты брал розовый блокнот из Лизиной квартиры?

– Не брал! – прошипел брат.

В трубке щелкнуло. Власта сунула телефон в сумку, надела куртку, посмотрела на себя в зеркало. Скромная оливковая куртка ей шла. Эту куртку они с Мишей купили, когда теплым, почти жарким весенним днем гуляли по городу и зашли в торговый центр выпить кофе. Бутик женской одежды был рядом с кафе, Власта равнодушно косилась на выставленные рядом с дверью манекены, а потом неожиданно зашла в крошечное помещение и примерила куртку.

– Покупай, – засмеялся Миша.

Куртка была дорогая, почти невесомая. Замечательная была куртка, но неожиданных покупок Власта обычно не совершала, тем более не покупала зимние вещи весной. Она повесила куртку на вешалку, но Миша, вздохнув, понес покупку к кассе.

Ему нравилось ее радовать. А ей нравилось, что это нравилось ему.

Захотелось заплакать. Власта на секунду закрыла глаза, постояла и быстро вышла из квартиры.

Пол в подъезде, видимо, в воскресенье не мыли. Засохшая грязь виднелась не только там, где ее оставила Власта, но и у двери соседа. И, как ни странно, у двери пустующей квартиры.

Власта вызвала лифт, снова посмотрела на грязный пол, потопталась и, вздохнув, подошла к двери соседской квартиры.

Нажимать на звонок пришлось дважды.

* * *

Обычно выходные Варя любила. Ей нравилось угадывать, когда Антону захочется перекусить, или посмотреть кино, или прогуляться по парку, который располагался всего в нескольких минутах ходьбы от их дома.

Мама бы ахнула, если бы узнала, что быть незаметной и полезной Варе нравится.

– Ты превратила себя в рабу! – гневно отрезала бы мама. – Зачем?! Ради чего?!

Зачем и ради чего, объяснять было бессмысленно. Мама бы этого не поняла.

Варя и сама плохо это понимала. Она была современной девушкой, знала, что себя нужно любить и уважать, но уважать себя у нее не получалось, ей нравилось во всем подчиняться Антону.

Единственное, что ее мучило, – это страх, что Антон ее бросит, но его Варя научилась подавлять.

Со вчерашнего дня появился новый страх.

Он требовал каких-то действий, и справиться с ним возможности не было.

Обычно выходные радовали, а сейчас хотелось, чтобы день поскорее закончился.

Страх сковал, когда Варя увидела на похоронах Дарью.

Она старалась держаться от Дарьи подальше, каждую минуту с ужасом ожидая, что Даша заговорит с ней, как со старой знакомой. Потом с облегчением вздохнула, когда они с Антоном покинули поминальное кафе, и старалась не выдать, что в квартире Лизы бывала, когда Антон ее туда повез. Это было несложно. В отличие от сестры и матери, Антон большой наблюдательностью не отличался.

Потом стала бояться, что Даша сейчас, прямо в эту минуту, рассказывает свекрови и Власте, что Варя была с Лизой хорошо знакома. Почти дружила.

По-видимому, не сказала. И свекровь, и Власта перезвонили бы немедленно.

Можно было успокоиться. Едва ли свекровь или Власта станут поддерживать знакомство с почти незнакомой Лизиной соседкой. Обе не отличались большой общительностью.

Можно было успокоиться, а страх только усиливался. И росло предчувствие чего-то жуткого, неотвратимого и неминуемого.

– Варь!

– Что? – Варя заглянула к Антону в комнату.

– Тортика никакого нет?

– Есть. – Варя ласково улыбнулась гражданскому мужу. – Чай сделать? Или кофе?

– Чай, – Антон уткнулся в планшет.

Она вернулась на кухню, включила чайник.

Ветер за окном шевелил голые ветви деревьев.

Был сильный ветер, когда она впервые увидела Лизу и Игорька.

Тогда Варя уже понимала, что любит Антона сильнее, чем нужно. Она старалась с этим бороться и напоминала себе, как неплохо жила до того вечера, когда Антон ее позвал. Бороться не получалось, хотелось ни на секунду с ним не расставаться.

Антон уже познакомил ее с сестрой и матерью, обе о том, что сын и брат женат, не упоминали, но к Варе отнеслись с прохладцей.

Впрочем, прохладца скрывалась за безупречной вежливостью.

Варя очень боялась, что Антон вернется к жене и сыну. И очень хотела взглянуть тайком на его жену. Едва ли оттого, что она увидит жену, будет проще защитить свое хрупкое счастье, но Варя во всем любила ясность.

Скорее всего, она не поехала бы подкарауливать Лизу, если бы та жила где-то на краю Москвы. Когда Варя, пользуясь удаленным доступом к базе данных отдела кадров, увидела адрес, по которому был зарегистрирован Антон, желание увидеть его жену окрепло, переросло в навязчивую идею.

Антон был зарегистрирован в нескольких кварталах от родителей Вари. В соседнем с ним доме когда-то жила Варина подруга-одноклассница, и тот двор Варя знала не хуже собственного.

Лизу она увидела, войдя в подружкин двор в первый же раз. Только тогда она еще не знала, что одиноко сидевшая около детской коляски женщина и есть жена Антона.

Зазвонил телефон Антона, Варя прислушалась. Муж недовольно прошипел несколько фраз.

Власта или мама, поняла Варя. Хамил Антон только им. Ну и Варе, конечно.

Со всеми остальными он был доброжелателен и вежлив.

Опять обдало волной страха. Она не сможет объяснить знакомство с Лизой.

Антон ее не простит. Не поймет.

Получалось, что Варя его обманывала, шпионила.

И вообще... Хотя убийство, хоть самоубийство, но этим делом занимается полиция. Та очень удивится, узнав, что Варя за спиной Антона дружила с его женой.

Так можно оказаться первой подозреваемой.

Варя была уверена, что Лиза ушла из жизни сама. Убивать ее было некому и незачем, но полиция может считать иначе.

– Власта спрашивает, не брал ли я Лизкин блокнот, – засмеялся Антон, садясь за стол. – Как она меня достала!

– Какой блокнот? – от пережитого страха губы слушались плохо.

– Откуда я знаю!

Варя достала из холодильника купленный накануне торт, аккуратно отрезала кусок, положила на тарелку перед Антоном.

Власта пытается понять, что произошло с Лизой, иначе не заинтересовалась бы никому не нужным блокнотом.

Что делать, если золовке удастся узнать то, что Варя пытается скрыть, Варя не представляла.

* * *

Болтаться по городу надоело сразу и бесповоротно. Накануне Денис равнодушно просмотрел в интернете список врачебных вакансий. Раздумывать над списком не стал, слава богу, у него хватало знакомых, к которым можно обратиться по поводу работы.

Начну звонить в понедельник, решил Денис.

Постоял у книжных полок, выбрал томик фантастики.

Громко прозвучал дверной звонок. Денис помедлил, поставил книгу на место.

Зазвонили снова. Он неохотно подошел к двери, отпер замок.

Он не ожидал увидеть сероглазую Лизину родственницу. И уж совсем не ожидал, что успеет испугаться оттого, что мог уйти и сейчас ее бы не увидел.

– Извините... – Она замялась. – Почему вы спросили про эту квартиру?

Она качнула головой, показывая на дверь пустующей квартиры.

У порога виднелись следы обуви. Денис вышел на площадку, подошел ближе.

– Вчера вечером здесь было чисто, – то ли ей, то ли себе заметил Денис.

– Почему вы спросили про эту квартиру?

– Меня зовут Денис, – напомнил он, вернулся к собственной двери, открыл ее пошире. – Заходите.

Она помялась, переступила через порог.

– Чаю хотите? У меня есть печенье, а больше ничего нет.

– Нет, спасибо. Вы не ответили.

Красивыми у нее были не только глаза. У нее были густые русые волосы и тонкое правильное лицо с бледными губами.

– Хозяева этой квартиры уехали несколько лет назад. Куда-то на ПМЖ, вроде бы в Израиль, но точно я не помню. Сомневаюсь, что сейчас они решили вернуться.

Она молча внимательно слушала.

Он покосился на обручальное кольцо на ее пальце и внезапно спросил:

– Вы замужем?

Черт знает, что с ним происходит. Впервые за много лет ему захотелось, чтобы женщина не уходила из его квартиры.

– Да! – резко ответила она.

– Простите, я зря это спросил, – покаялся он. – Не знаю, что на меня нашло.

– Ничего страшного, – успокоила она и еле заметно улыбнулась.

Улыбка у нее вышла грустная.

– Я пару раз замечал, что в квартире кто-то бывает. – Денис отвернулся от серых глаз. – Хозяева оставили ключи моей бабушке. Она умерла несколько месяцев назад. Недавно я искал ключи, но не нашел.

Нужно поменять обои в квартире, около выключателя темное пятно. Бабушка плохо видела, иначе пятна не допустила бы.

У них в семье всегда считалось, что жилище должно быть в полном порядке. Впрочем, как и все остальное.

– Вы думаете, это может иметь отношение к Лизе?

– Не знаю.

– Вы не можете мне позвонить, если окажется, что хозяева квартиры как-то связаны с Лизой? – вздохнув, спросила она.

– Если назовете номер, смогу.

Он достал из кармана висевшей рядом куртки телефон. Тот, к счастью, не успел до конца разрядиться.

– Власта.

Могла не напоминать, он помнил, как ее зовут.

Она продиктовала цифры, он записал их в электронную память.

Ему хотелось сказать, что у нее редкое и красивое имя.

Он не сказал. Приударять за замужними женщинами в семье считалось недопустимым.

Он знал, что это недопустимо, но ему очень захотелось за ней приударить. Пригласить в ресторан. А еще лучше поужинать прямо здесь и потом чувствовать под губами нежную шею.

Под воротником куртки нежную шею видно было плохо. Впрочем, он не старался ее разглядывать.

Глупые мысли приходят ему в голову.

Нужно позвонить Людочке. Ей давно надо было позвонить, она обещала его ждать и даже плакала, узнав, что он едет туда, где стреляют.

– До свидания, – вежливо сказала Власта. – Спасибо.

– Не за что.

Денис запер за ней дверь, постоял, пока не прошумел лифт.

Нужно позвонить Людочке. Нужно возвращаться к нормальной жизни.

Денис снова подошел к книжному шкафу. Желание читать пропало, он постоял, разглядывая корешки книг, вспомнил, что нужно зарядить телефон, вернулся в прихожую.

Если бы не вернулся, шума лифта не услышал бы.

Лифт прошуршал – двери то ли открылись, то ли закрылись. Денис прислушался, больше никаких звуков не раздалось.

Он быстро отпер дверь, выглянул на площадку.

У Лизиной двери стоял молодой человек и нажимал на кнопку звонка.

Парню было лет двадцать.

– Там никого нет, – сказал Денис.

Парень недовольно к нему обернулся.

– Там больше никто не живет.

– Почему? – не понял парень.

На нем была короткая куртка, на голове капюшон от надетой под куртку худи.

– Потому что хозяйка умерла.

– Что?! – молодой человек отпрянул от двери. – Как это?..

– Отравилась, – объяснил Денис.

Парень попятился назад, жалко и испуганно глядя на Дениса. Он всерьез испугался, что парень сейчас покатится по лестнице.

До лестницы молодой человек не дошел. Он повернулся и побежал вниз.

Денис запер дверь, заставил себя выбрать книгу и стал ждать вечера, когда можно будет начать пить коньяк.

О том, что хотел позвонить Людочке, он не вспомнил.

* * *

Предчувствие беды не обмануло. Звонок от незнакомого абонента раздался, когда на улице окончательно стемнело и Варя задернула занавески.

Нужно было сбросить вызов и отключить звук в телефоне, но Варя не решилась. Она измучилась от неизвестности. Ужас без конца ей решительно не нравился. Впрочем, не факт, что ужасный конец будет лучше.

– Алло, – сухими губами произнесла Варя и слегка отодвинула занавеску, еще надеясь, что сейчас заговорит механический голос, предлагая что-нибудь, совершенно Варе не нужное. Ей иногда надоедали со всякой рекламой.

– Варя? – тихо уточнила трубка. – Это Даша. Можешь разговаривать?

За окном кружились снежинки, искрились, попадая в свет окна.

Дашин голос звучал совсем не так, как если бы она подозревала Варю в чем-то нехорошем.

– Не очень, – с облегчением призналась Варя. Покосилась на ведущую из кухни в коридор дверь и решилась: – Хочешь, встретимся? Я сейчас недалеко от твоего дома.

Коридор упирался в большое зеркало. Если Антон решит пойти на кухню, Варя его увидит.

– Давай, – нерешительно согласилась Дарья.

Она не собиралась предъявлять Варе обвинения.

Варя ухитрилась измучить себя на пустом месте.

– Какая у тебя квартира? – быстро спросила Варя.

Дарья назвала номер. Она жила на два этажа выше Лизы.

Сжав телефон в руке, Варя заглянула в комнату к Антону. Гражданский муж с планшетом в руках валялся на диване.

– Съезжу к родителям ненадолго, – сообщила Варя. – Мама попросила. Не возражаешь?

Антон равнодушно пожал плечами – делай что хочешь.

В Вариной семье все было не так. Мама бы подробно объяснила папе, почему нужно немедленно сорваться и куда-то ехать, папа бы внимательно слушал и немедленно вызвался помочь.

В Вариной семье было невозможно скрыть, что мама знакома с бывшей папиной женой.

Впрочем, у папы не было другой жены.

Ехать Варя решила на метро. Обе квартиры, и Антона, и Лизы, располагались недалеко от станций, а добираться по такой погоде на машине – только мучиться.

Страх не то чтобы совсем отпустил, но уже не переполнял, делая губы сухими и не давая думать ни о чем другом.

Поднимаясь в лифте, Варя даже порадовалась, глядя на свое отражение в зеркале. Впервые чему-то порадовалась с тех пор, как увидела Дарью рядом со свекровью. От легкого мороза щеки слегка покраснели, губы тоже. Губы Варя красила редко, ей пока, слава богу, природной свежести хватает.

Почаще красить губы нужно бледной Власте. А Татьяне Павловне как раз пореже, очень глупо, когда старая бабка ходит с вишневым ртом.

Варя состроила себе гримаску, отвернулась от зеркала, вышла из лифта и позвонила в дверь Дарьи.

Дверь была обита дешевой черной искусственной кожей. Такой двери место где-нибудь за МКАД, а не в добротном доме в центре города.

Дарья распахнула дверь, грустно улыбнулась Варе и отступила, приглашая в квартиру.

Одета хозяйка была по-домашнему – в потертые джинсы и бесформенный свитер. Темные волосы неопрятными прядями падали на плечи.

Варя никогда не позволяла себе ходить в таком затрапезном виде.

Квартира была под стать двери, неухоженная, запущенная. Паркет старый, обои тоже. То ли у Дарьи нет денег на хороший ремонт, то ли нет желания привести собственное жилье в порядок.

– Я не знала, что ты жена Антона, – хозяйка провела Варю в ближайшую комнату.

Не ее квартира, решила Варя. Такая комната со старинным бюро в углу скорее подошла бы какой-нибудь столетней старушке. Похожая мебель когда-то была у бабушки и деда, но после их смерти родители рухлядь выбросили.

– Мы с Лизой это не афишировали, – объяснила Варя.

Страх отпустил совсем. Дурочка Дарья ничего не поняла.

– Хорошо, когда после развода люди сохраняют нормальные отношения. Мне такое не удалось. Чаю хочешь?

– Нет, – отказалась Варя и села в старое кресло. Кресло просело почти до пола. – Я только что от родителей, они рядом живут.

Дарья подошла к круглому столу, накрытому скатертью с длинной бахромой, выдвинула из-под стола стул и уселась лицом к Варе.

– Варя... Лизу убили?

Хозяйка захватила рукой бахрому и стала перебирать пальцами.

Варя напряглась. На похоронах разговор шел так, будто бы жена Антона ушла из жизни добровольно.

– Почему ты думаешь, что убили? – осторожно спросила Варя.

– Я не думаю. Я тебя спрашиваю.

– Откуда же я знаю!

Получилось резко. Варя тронула ладонями щеки.

– Не представляю, кому Лизина смерть выгодна, – задумчиво сказала Варя то, что сказал бы любой на ее месте.

– Мы не так уж много с ней общались. – Дарья отбросила бахрому. – Но сейчас мне без нее одиноко. Знаешь... Она относилась к тем людям, глядя на которых начинаешь понимать, что все собственные неприятности – это ерунда.

Черные Дарьины глаза заблестели от слез. Этого Варя совсем не ожидала.

– Это да, – подтвердила она.

– Полиция как считает?

– Понятия не имею.

– А... Антон?

– Они давно разошлись. Ему о Лизе известно еще меньше, чем мне.

Можно было не приезжать. Дарья никакой опасности не представляет.

Проговорив еще минут десять, Варя снова вышла под падающий снежок. Подумала, не зайти ли в самом деле к родителям, решила не делать этого и спустилась в метро.

* * *

От выпитой рюмки коньяка появился аппетит. Денис заглянул в холодильник, критически посмотрел на палку сервелата и нарезку сыра, подумал, не разогреть ли в микроволновке готовое замороженное блюдо из тех, что купил накануне, и решил, что возиться ему лень.

Идти в ресторан тоже было неохота, но вечер только начинался, и его следовало чем-то занять.

Одеваться быстро, как прежде, ему не удавалось, и он к этому еще не успел привыкнуть. Надев ботинки, вспомнил, что забыл достать телефон из зарядки. Оставляя засохшую грязь от ребристой подошвы, прошел в комнату, сунул телефон в карман. Выключать свет в прихожей не стал, вышел на площадку и запер дверь.

Новые следы у пустующей квартиры он заметил, подойдя к лифту. Следы были совсем свежие, влажные. Накладывались на те, которые Власта заметила утром.

Следы были мужские и вели в квартиру. Обратных не было.

Или посетитель тщательно вытер в квартире обувь.

Денис тихо подошел к чужой двери, прислушался.

Зашумел лифт, открыл двери, закрыл.

Денис прислонился спиной к стене. Хотелось сесть, стоять подолгу он уставал.

Лифт зашумел, уехал. Потом несколько раз шумел снова.

Он не сможет простоять здесь всю ночь. Спина ему не позволит.

Дверь распахнулась неожиданно, никакого шороха перед этим Денис не слышал.

Он никогда не отличался большой спортивностью, даже в молодости. Когда-то играл в теннис, плавал, но и то, и другое его не увлекало, он и тогда предпочитал спорту книги. Бабушка боялась, что он испортит себе зрение.

Тело среагировало само. Он схватил тихо вышедшего из квартиры человека за рукав, прижал к стене, увидел непонимающие испуганные глаза и слегка ослабил хватку.

Парень, который утром звонил в квартиру Лизы, не сопротивлялся.

Он был одного с Денисом роста, испуганные глаза смотрели на него в упор.

– Ты кто? – выдохнул Денис.

– Человек, – с вызовом прошипел парень.

Он хорохорился, но страх в глазах не исчез.

– Ты хозяин квартиры?

Парень отвернулся.

– Откуда у тебя ключи?

– Лиза дала.

Бабушка заболела и отдала чужие ключи соседке Лизе? Очень может быть.

– Зачем? Зачем Лиза дала тебе ключи? Говори, не тяни, – попросил Денис.

– Я здесь жил в октябре, – парень покосился на Дениса и зло усмехнулся. – От военкомата прятался.

Парень был призывного возраста. Хотел откосить от армии, такое во все времена случается.

В октябре Денис с Лизой только здоровался. Он еще не приходил к ней по вечерам.

– Утром зачем к ней приходил?

– Отдать ключи.

– Отдай мне, – решил Денис.

Молодой человек послушно полез в карман, протянул Денису связку – не ту, что хранилась у бабушки. Без забавного брелока.

Впрочем, брелок парнишка мог потерять. Или выбросить за ненужностью.

– Кто ее убил?

– Что? – Денис сунул ключи в карман.

– Кто Лизу убил?

– Почему уж так сразу убил? – хмыкнул Денис. – Полиция разбирается, имело ли место убийство или что-то другое.

Парень посмотрел на него как-то странно, не то со злобой, не то с презрением. Дернул плечом и побежал вниз по лестнице.

Когда Денис на лифте спустился вниз, его в подъезде уже не было. И консьерж, как на зло, еще не пришел.

Консьерж появился, когда Денис через полтора часа возвращался домой. Пожалуй, с недовольными соседями можно согласиться, Александр Николаевич мог бы проводить на рабочем месте больше времени.

6 февраля, понедельник

– Пригласи нотариуса, – по дороге на работу велел Антон.

Варя послушно кивнула.

Антону было жаль, он совершенно измучился, хмурился, кусал губы. Варя его понимала, деньги от бывшего тестя кардинально улучшили бы ситуацию. Денег должно быть немало, Лизин отец когда-то занимал высокую должность.

И квартира в центре стоила немало. Сейчас с ценами на недвижимость полная неясность, но то, что на вырученные деньги можно будет какое-то время жить безбедно, очевидно.

Если Лиза успела написать завещание, Антону будет трудно это пережить.

Варе хотелось как-то его ободрить, но она молчала. Знала, что выйдет только хуже.

Нотариусу она позвонила, едва вошла в свой маленький кабинетик. Его Антон ей организовал, когда она уже пару месяцев у него жила. Варя его об этом не просила, сам догадался. Раньше она сидела вместе с секретарем фирмы, теткой предпенсионного возраста. Секретарша сначала пыталась давать Варе мелкие поручения, Варя лениво их выполняла, но очень быстро выяснилось, что Антон предпочитает иметь дело напрямую с Варей, и секретарша от нее отстала. Варя была уверена, она до ужаса боялась, что Варя ее подсидит.

О том, что Варя заняла в жизни Антона особое место, секретарша неувлимым образом догадалась первой. И к Вариному веселому изумлению, начала перед ней почти заискивать.

Варя повела себя правильно, как раньше была с секретаршей доброжелательна и вежлива, так и дальше продолжала.

Вообще-то Варе нравилось, что в компании о ее особом положении знают. Нравилось, что бухгалтерши замолкают, когда она заходит в бухгалтерию.

Впрочем, кроме секретарши и бухгалтерш, Варя никого не интересовала. Программистам до нее дела не было.

Программисты и перед Антоном не сильно заискивали.

Нотариус Виктория Геннадьевна ответила сразу и согласилась приехать к ним в офис сегодня же. Нотариус сотрудничала с фирмой уже несколько лет, Антон был теткой доволен.

Варя тоже была довольна. Виктории было лет сорок пять, и к ней Варя гражданского мужа не ревновала.

Варя включила компьютер, посмотрела служебную почту.

Срочных дел не имелось, и это было плохо. Дела помогли бы отвлечься от Лизиной смерти.

Полиция не знала, что бедная Лиза никому помешать не могла. Бедная, в смысле несчастная.

Она была несчастная и не хотела жить. Но полиция может думать иначе и искать тех, кому эта смерть выгодна.

Выгодна она была только Антону, если Лиза не успела написать завещание. И тому неизвестному, кто получит ее имущество, если успела.

Узнать, написано ли завещание, хотелось нестерпимо.

Еще хотелось немедленно узнать, считает ли полиция смерть жены Антона самоубийством, несчастным случаем или все-таки убийством.

Жаль, что узнать это было невозможно.

Неожиданно Варя пожалела, что сидит одна в офисе. Поболтать бы сейчас с кем-то о каких-нибудь пустяках.

Поболтать было не с кем, не к секретарше же наведаться.

Варя достала телефон, помедлила и набрала Власту.

Вчерашний страх до конца не исчез. На мгновение стало жутко, что сейчас Власта вежливо спросит, как давно Варя знакома с Лизой.

Скажу правду, решила Варя.

Жаль только, что всю правду сказать опасно. Можно попасть в подозреваемые.

Попадать в подозреваемые Варя не хотелось.

Власта не ответила. Варя положила телефон рядом с клавиатурой.

Ветер за окном гнал облака.

Варя покачалась в кресле.

Ветер поднимал пыль, нес ее над тротуаром, когда Варя проходила мимо женщины с коляской. Женщина поворачивала коляску, старалась закрыть ребенка от ветра и пыли. Ребенок спал. Варя успела удивиться, что такой большой малыш до сих пор спит в коляске, и тут начался дождь.

Варя молча схватила ручку коляски, не давая ветру коляску развернуть, Лиза подхватила со скамейки большую сумку, и они бегом добрались до козырька подъезда.

– Спасибо, – улыбнулась Варя Лиза.

Улыбка у нее была искренняя, благодарная.

Ребенок открыл глаза, заплакал, Лиза подхватила его на руки, Варя докатила коляску до двери квартиры.

Она не догадывалась, кого видит рядом с собой, пока Лиза не подошла к квартире. Номер квартиры Варя отлично помнила.

Тогда они еще не познакомились, не представились. Варя вкатила коляску в прихожую и заспешила к еще стоявшему на этаже лифту.

Все было ясно. Антон сбежал от ребенка, который отличался от детей его возраста. И никогда к жене не вернется.

Варя должна была радоваться, но ей было тоскливо. Она тогда прошла две остановки метро пешком, не решаясь поехать к Антону.

То есть она знала, что поедет. Но почему-то оттягивала момент, когда снова его увидит.

Власта перезвонила, когда за окном начало темнеть.

– Работала утром, – объяснила Власта. – Не слышала звонка.

– Ничего страшного, – успокоила Варя, помялась и робко спросила: – Как ты думаешь, Лиза сама?..

– Не знаю! – резко оборвала Власта.

– Не сердись. Я понимаю, я виновата... Я знала, что Антон женат...

– Кончай! Никто ни в чем тебя не упрекает! Антон не собирался возвращаться к Лизе.

– Извини, – промямлила Варя.

– Для нас, для меня и мамы, Лиза была близким человеком, – смягчилась Власта. – А Антон давно ею не интересовался.

Непохоже, что Власта узнала о Варя что-то, вызывающее вопросы. Не тот у нее характер, чтобы сразу эти вопросы не задать.

Варя попрощалась с Властой вовремя, дверь открылась, и в проеме остановился Антон.

Он был самым красивым мужчиной из всех, кого Варя знала. Высокий, широкоплечий. С мужественным лицом и умными глазами.

Для Вари было бы лучше, если бы он был самым обыкновенным, неприметным. Она его не за красоту любила и не за внешнюю мужественность.

Она любила его не за что-то, а вопреки, пошутила бы мама.

– Поезжай домой, – велел Антон. – Я попозже буду.

– Виктория приходила? – спросила Варя.

– Приходила, – Антон поморщился.

Он не был настроен отчитываться перед Варей, и она больше ничего не спросила.

Расспрашивать его необходимости не было. Сам все расскажет, если не сегодня же вечером, то в самое ближайшее время. Он не умел держать в себе то, что его хотя бы минимально волновало. Мужественность была только внешней, на самом деле ему требовалось, чтобы его постоянно утешали. Только кроме Вари этого никто не знал.

Разве что Власта и Татьяна Павловна.

Антон захлопнул дверь, Варя выключила компьютер, надела пуховик, заперла офис-кабинетик.

У лифта топталась бухгалтерша Наташа. Та была влюблена в Антона давно и прочно и сильно переживала, когда выяснилось, что место рядом с Антоном заняла Варя.

– Привет! – обрадованно улыбнулась Варя. – Какая у тебя шуба красивая!

Шубка была так себе, китайское барахло. Но Наташе шла, это правда.

Из-за поворота коридора вовремя вышел Антон, приобнял обеих женщин за плечи и подтолкнул в подошедший лифт.

* * *

Звонить насчет работы Денис не стал. Но и болтаться по городу не отправился.

С самого утра собирался позвонить Власте, рассказать, как обещал, про вчерашнего парнишку и объяснить, что все вопросы насчет пустующей квартиры нашли свое объяснение.

Денис парню верил.

Со звонком он почему-то тянул. Звонок означал, что больше с сероглазой Властой его ничто связывать не будет, и от этого жизнь начинала казаться еще более унылой.

До вечера он провалялся, читая очередной детектив. При таких запросах он может очень скоро превратиться в тупого обывателя. Правда, для этого нужно еще начать смотреть сериалы по телевизору, которого у него не было. Последний телевизор сломался у бабушки года три назад, и новый она покупать не стала, потому что к тому времени уже прочно сидела в интернете.

Как и вчера, на улицу Денис вышел, когда уже совсем стемнело. Пошел в сторону ресторана, но неожиданно развернулся и направился к супермаркету. Он безработный, ему стоит экономить деньги.

Народу в супермаркете было мало. У ближайшего ко входу столика молодая пара с детской коляской складывала покупки в целлофановые пакеты. Молодая мама смеялась, глядя на мужа, ткнула лбом ему в плечо. Муж заметил Дениса, отчего-то удивился и неожиданно поздоровался. Денис тоже пожелал паре доброго вечера.

Через пару минут, складывая в тележку коробки с замороженными блюдами, вспомнил, что знает показавшегося сначала незнакомым молодого папу. Это племянник консьержа Александра Николаевича.

Племянник почти не изменился. Он и несколько лет назад был таким же толстым, дружелюбным и в очках с сильными диоптриями. Тогда племянник был студентом и иногда подменял дядю, дежуря в подъезде.

Парень Денису нравился. И бабушке тоже. Бабушка сетовала, что не вся молодежь сейчас такая же добродушная и искренняя, как... Денис попытался вспомнить, как зовут племянника, и не смог – забыл.

Когда он снова вошел в подъезд, накупив еды, у лифта стоял мужик, которого Денис, будучи понятым, видел сидящим около тела Лизы. Брат Власты и муж Лизы. Мужчина равнодушно оглянулся на Дениса и отвернулся. То ли не узнал, то ли не захотел узнать.

Подошел лифт, мужчина подержал кнопку, не дал закрыться дверям перед носом Дениса.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Денис.

Мужик на вежливость не отреагировал.

Ну и черт с ним.

У мужика были такие же серые глаза, как у Власты.

Мужик не посмотрел на Дениса, даже когда они одновременно отпирали находившиеся рядом двери.

Денис снял куртку, повесил на вешалку, переобулся. Сунул купленные коробки в морозилку, подумал и снова спустился на лифте вниз.

Повезло, консьерж Александр Николаевич уже сидел за своим столиком.

– За почтой спустился? – старик Денису обрадовался.

– Да нет, – Денис покосился на почтовые ящики.

Свой ящик он открывал, когда ненужные бесплатные газеты начинали торчать из узкого отверстия. Газеты выбрасывал, не просматривая, платежки приносил домой и выбрасывал, когда их стопка достигала нескольких сантиметров. Платежки ему были не нужны, счета он оплачивал онлайн.

– Хочу вас кое о чем спросить. Попросить, – поправился Денис. – Можно мне посмотреть записи с камер?

Видеокамера висела в подъезде давно и вроде бы работала, крохотный красный огонек на ней светился.

– Посмотри, – засмеялся Александр Николаевич. – Если сумеешь. Тут я тебе помочь ничем не могу, в камерах и компьютерах не разбираюсь. А зачем тебе?

– Посмотрю, тогда скажу, – улыбнулся Денис.

Больших познаний в компьютерных технологиях у Дениса не было, но он справился. Сумел подключить ноутбук к камере и скопировать содержимое памяти.

Распечатал фотографию молодого человека, входившего вчера в подъезд, снова спустился вниз и положил принтерный лист перед консьержем.

Александр Николаевич молча и внимательно рассмотрел снимок.

– Кто это?

– Видел несколько раз парнишку, – кивнул консьерж. – Одно время часто видел, почти каждый день. Парень нормальный, на наркомана не похож. К кому приходит, не знаю. А спрашивать... Нет у меня права жильцов расспрашивать. Если бы он пьяный был, тогда другое дело.

– Он приходил в восемьдесят пятую. Говорит, что ключи ему дала Елизавета, разрешила пользоваться квартирой. У парня были особые обстоятельства. Похоже, что не врет.

Консьерж задумчиво кивнул.

Хлопнула дверь подъезда, вошла соседка с черными глазами, улыбнулась Александру Николаевичу и заодно Денису. Достала из сумки конфету, положила на стол.

– К чаю, Александр Николаевич.

– Спасибо, Даша.

Соседка Даша, заметив лежавший на столе принтерный лист, на секунду задержала взгляд на фото и отошла, вызвала лифт.

Денис, сложив лист вдвое, вошел в лифт вместе с соседкой. Соседка смотрела мимо Дениса.

Когда лифт остановился на его этаже, Денис, вздохнув, придержал дверь ногой и развернул лист.

– Вам знаком этот молодой человек?

Зря он пристаёт к соседям. Толку не будет, а принять за идиота могут.

Наверное, соседка Даша была прочно погружена в свои мысли, потому что недоумевающе встрепенулась, как будто ее не вовремя заставили вернуться из мыслей в действительность. С легким удивлением посмотрела на Дениса, потом на бумагу, потом снова на Дениса и пожала плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.